

Игорь Адов

Младший сержант Алексей Крайнов

Июнь-Июль **1941**

18+

Игорь Александрович Адов
Младший сержант
Алексей Крайнов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38626211

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть о первых месяцах Второй мировой войны. Взгляд на события глазами красноармейца. Становление солдата. В начале, и немцы, и русские были еще людьми, но это быстро проходит....

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	36
Глава четвёртая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игорь Адов

Младший сержант

Алексей Крайнов

Война глазами красноармейца.

Каждая мировая битва, каждое эпическое сражение составлено из страхов, надежд и отчаяния тысяч и тысяч её участников. Торжества победителя и предсмертной тоски побеждённого, откровенной трусости и никем не замеченного героизма. Основная движущая сила войны – молодые ребята. Слишком молодые, чтобы всерьёз воспринимать собственную смерть; в своих мыслях они – бессмертны. А как же иначе? Они ведь на стороне добра! Причём так думают парни с обеих сторон. Вчерашние мальчишки, а теперь уже солдаты шаг за шагом, ценой жизни товарищей и собственных страданий приобретающие такой бесценный боевой опыт. Бесценный означает дорогой, но отнюдь не означает приятный, скорее, гадкий, мерзкий, отвратительный. У мальчишки с верой во вселенскую справедливость появляется маленький шанс выжить при неукоснительном соблюдении ряда условий: убивай первый, убивай, не задумываясь, не жалея. Не оставляй за спиной живых! На первых месяцах войны, когда против тебя был противник с внутренней неготовностью к убийству, это срабатывало; но что дальше? Ко-

гда на поле боя останутся только готовые убивать?

Это не портрет героя, это портрет выжившего. Выжившего, закалившегося в битвах солдата. Его становление от восторженного «телёнка» до готового на всё матёрого «волка». Но и «волки» не бессмертны. Что будет дальше? Вы не поверите, мне тоже интересно. Посмотрим вместе...

Глава первая

Станция, как, впрочем, и весь город, остались далеко позади. Полуденное солнце и усталость приглушили разговоры в колонне. Пыль светло-коричневой коркой покрыла одежду, лица и оружие солдат, превратив и без того одинаково одетую, коротко остриженную молодёжь в безликую людскую массу с неестественно белыми зубами и грязными разводами на потных шеях. Батальон шёл по просёлку, параллельно главной дороге, в пешем порядке, поротно. Мягкая грунтовка испускала облака шоколадного цвета пыли от каждого шага тысяч солдатских сапог. По основному же пути нескончаемой вереницей двигалась военная техника, превратив когда-то приличную дорогу в сплошное каменное крошево; и пыль от той щебёнки была белая. В вышине два этих облака сливались и тучей нависали над движущейся на запад колонной. Растянутой на многие, многие километры огромной пылевой тучей...

Командир отделения, младший сержант Алексей Крайнов, уже устал задирать голову, с интересом разглядывая выплывающих из пыли чудищ, с грохотом и лязгом двигающихся по насыпи над его головой. Обдавая пехоту сизыми выхлопами, мимо пронеслись быстроходные советские танки. Поджарые, словно гончие псы на бегу, они, казалось, летели над головами уставшей и грязной пехоты, легко обгоняя

сплошной поток следующих в том же направлении полутопок со всякой военной всячиной. Ещё одной грохочущей вереницей шли трактора, тяжело тащившие на сцепках артиллерийские орудия. Эти ползли неспешно, солидно; пехота их обгоняла. С другой стороны дороги, всё в том же направлении, брели тысячи конных повозок, внося свою лепту пыли в общее облако.

И вот когда оглохший от постоянного лязга и рёва, ослепший от пыли, и, изрядно уставший Лёха, решил ничему больше не удивляться, появились они! Три тяжёлых КВ-2, каждый размером с дом, словно огромные африканские слоны, затесавшиеся в стадо из повозок, машин и тракторов. Перегородив большую часть дороги своими грузными телами, танки гордо стояли на насыпи, порывивая дизелями на холостом ходу. Колонна военной техники, пытаясь объехать громадины, медленно превращалась в огромный, вооружённый до зубов затор. Ещё один, гораздо большего размера, виднелся у моста через небольшую речушку в паре километров впереди.

Плохо было то, что ротный старшина с кухней, а значит, и привал, ждали солдат как раз после переправы; это Лёхе пару часов назад сообщил их взводный – младший лейтенант Веров.

«На тебе, Боже, что нам негоже...» – как о нём негромко отозвался комбат, представляя взводу нового командира. Сказал негромко, но был услышан. Хотя... человеком млад-

ший лейтенант был, безусловно, хорошим, да больно для службы непригоден: худ, неуклюж, близорук. Команды отдавал не армейским тоном, а будто просил стеснительно. Зато умён, начитан и, самое главное, о событиях в стране и мире судил не по газетным передовицам, а по своему разумению. О чём и делился, не со всеми, конечно, а исключительно с Крайновым и Цепеленко – приближёнными сержантами во вверенном ему взводе. Много в тех рассуждениях было запретного и своевольного, идущего вразрез с линией «партии и правительства», но Леху, сына раскулаченных и сосланных неизвестно куда родителей, который и мать-то свою не помнил, это не особенно заботило. Чего уж говорить о Володьке. Село старшего сержанта Цепеленко вымерло от голода полностью, включая и его семью. Сам он двенадцатилетним мальчишкой по приказу матери из дома ушёл и, бродяжничая, добрался до Москвы. Где и прижился. Выучился на слесаря, закончил три класса вечерней школы, получил койку в общежитии при заводе, но любовью к Родине так и не проникся, а, скорее, дистанцировался: он отдельно, Родина тоже – отдельно.

В последнее время темы для бесед крутились вокруг одного, главного события – приближающейся войны. И хотя открыто, напрямую, им об этом никто не говорил, но само выдвижение к границе ТАКОЙ массы войск не допускало иных толкований. Немного смущал батальонный политрук Капитонов, неустанно трубивший на политзанятиях о совет-

ско-германской дружбе. Однако события нескольких последних месяцев напрочь опровергали его доводы: такой насыщенной учебно-боевой подготовки, как нынешней весной, при формировании дивизии у них ещё не было. Сплошные полевые занятия: и тебе марш-броски, и отработка наступления в составе роты, батальона, полка, и стрельбы, стрельбы, стрельбы... В общем, пришлось потрудиться на славу. Да только Лёхе грех было жаловаться: в родном колхозе и труднее приходилось, к тому же впроголодь, а здесь, в армии, хоть сто раз за добавкой подходи, старшина кашу с мясом знай накладывает. Он, старшина этот, страсть как не любил, когда у солдата аппетит плохой: хворый, значит, или горожанин, как новый командир взвода. Тот ел мало, уставал быстро, да и, шутка ли, – старику с молодёжью тягаться! На вид давно за тридцать. Резервист, из майского набора, то ли писатель, то ли учитель, короче, гражданский до мозга костей. Сначала пытался грозным себя показать, да разве солдата проведёшь – пентюх, он и есть пентюх! Вот и сейчас бредёт позади взвода, чуть в стороне – уставший, взгляд под ноги опущен, аж жалко. Вещмешок его давно старший сержант Цепеленко тащит – не один, стало быть, Лёха такой сердобольный.

У переправы батальон присоединился к другим пехотным частям, в сторонке ожидавшим своей очереди. Затем случилось маленькое чудо: передвижные батальонные кухни застряли здесь же, на этом берегу, а потому привал и обед ожи-

дались в обозримом будущем.

Поев, сполоснув в реке котелок, по пояс умывшись, Лёшка сладко растянулся в ивовой тени. Спиной к нему что-то чиркал на планшете командир взвода. Тут же, положив голову на вещмешки, блаженно растянулся Цепеленко. Остальной взвод расположился чуть в сторонке. Старший сержант и младший лейтенант вели неспешный спор, начавшийся, насколько знал Леха, ещё до отъезда. Причиной препирательств были, конечно, нынешние манёвры. Все прекрасно понимали, что это не просто учения, а подготовка к войне. Но кто противник, было неясно. С Германией у нас мир и дружба. Румыны и так боятся: вон недавно, сколько территорий наших обратно вернули, даже не пикнули. Может, с венграми тогда? А войска между тем к границе с Германией движутся; хотя если подумать, то и до Румынии с Венгрией не так уж далеко.

– Да говорю я вам, обманный манёвр это. Мы вроде коня шахматного ходим, сначала запутаем, а потом вдарим! – упрямо бурчал старший сержант.

– По кому, Цепеленко, «вдарим»? У нас с немцами пакт? Пакт. А у немцев с румынами и венграми любовь и дружба. То есть на кого бы ни напали, воевать-то со всеми придётся, – не отвлекаясь от планшета, вяло отвечал комвзвода.

– А по мне, так всё равно, – вмешался в разговор Лёха. – Смотрите, какая силища собралась! Войск до горизонта! Да воюй хоть со всем миром!

– Дурак ты, Крайнов, – беззлобно сплюнул в траву Цепеленко. – Думаешь, на «финскую» меньше народу понагнали? И что, помогло?

– Разбили же их? – стараясь замять тему, стал неуверенно отбрёхиваться Алексей. – Границу от Ленинграда отодвинули вроде бы...

– Границу отодвинули, конечно, а вот про «разбили» – тут ещё разобраться надо, да и цена той новой границы немаленькая вышла, если в жизнях солдатских считать, – поддержал Цепеленко младший лейтенант.

Отношение старшего сержанта к той войне Лёха знал. Подрались даже как-то. Новый сержант прибыл к ним во взвод прямо из госпиталя, где врачи долго лечили его обмороженные после Зимней войны ноги. А ещё у него была медаль «За отвагу» – предмет зависти и почитания всех, от рядовых до тогдашнего командира взвода. Однако про войну Цепеленко не рассказывал, а на настойчивые расспросы: «За что награду получил?» – неизменно отвечал:

– За то, что жив остался!

Казалось, что финнов он и в глаза не видывал, ни живых, ни мёртвых, из чего скорый на выводы Алексей сделал заключение: при штабе отирался, а ноги по пьяни отморозил. Когда же данные своих умственных изысканий попытался озвучить – получил от старшего сержанта в ухо. Пришлось взгляды пересмотреть по-скорому и впредь при разговорах с Володькой быть осторожней. Впрочем, опухшее ухо не по-

мешало им впоследствии сблизиться и даже сдружиться. Да и отёк за пару дней спал. Зато вдвоём они быстро добились лидерства во взводе и даже взяли под негласное попечение новенького младшего лейтенанта. Что позволяло поддерживать в подразделении хоть какое-то подобие дисциплины. С приходом «пентюха» служить стало легче, а опека приносила определённые выгоды: очень скоро Лёха перестал быть штатным гранатомётчиком, получил звание младшего сержанта, по треугольнику на петлицы, отделение солдат под командование и новенький автомат ППД – второй во взводе. Первый, как и положено, достался Цепеленко. Правда, в отличие от Лёшки, к пистолету-пулемёту старший сержант большой любви не проявил, носил его скорее как признание заслуг. С насквозь же шкурными доводами друга о том, что с этими бедовыми скорострелками станут нас во все дыры пихать, Лёха был согласен, но по-своему:

– Побольше повоюем – получше наградят!

В своих мечтаниях он уже не раз возвращался со службы в родную деревню: грудь в медалях, синее галифе, поскрипывают новенькие сапоги, обязательно яловые, и чуть грустный, умудрённый опытом взгляд. Как не запылившись пройти без малого двадцать километров по разбитой полевой дороге, от станции до тёткиного дома, Лёшка не знал, да и неважно это. Воображение услужливо пропускало неинтересные моменты, зато по много раз прокручивало будущему герою наиболее «сладкие» кусочки. Вот и сейчас, на сытый

желудок, под вздохи и причитания деревенских баб, Алексей Крайнов в который уже раз проходил по центральной деревенской улице. Но до тёткиного дома дойти не удалось: сон, сладкий, кисельный, тепло накрыл уставшее молодое тело...

Проснулся Лёха уже к вечеру, а узнав от взводного, что сегодня ни переправляться, ни ужинать не придётся – ротный старшина со своими машинами сумел-таки протиснуться на тот берег вне очереди – несильно-то и расстроился: «На то он и старшина, – думал Лёха, – чтобы уметь договариваться».

Дипломатические способности их старшины вкупе с просто змеиной изворотливостью давно стали поводом для баек во всём батальоне. Вот и сейчас – договориться непонятно с кем и объяснить непонятно кому, почему именно его три полуторки с ротными припасами и кухней на том берегу гораздо важнее сотен артиллерийских орудий, танков, автомобилей и тысяч солдат, ожидающих своей очереди на переправу, мог только их старшина. И это притом, что в каждом подразделении были свои старшины и свои кухни.

– Главная ударная сила, блин! Кавалерия толстозадая! – зло комментировал старшинскую лихость в преодолении водных препятствий голодный Цепеленко. – Нам, может, ещё неделю здесь впроголодь торчать придётся! Проныра!

Впрочем, ночь прошла, что называется, без происшествий: бойцы у костров накипятили чаю, поделили сухари из вещмешков. Так и заснули за вялыми разговорами, под рычание переправлявшейся по мосту техники да маты, и ругань

недовольного очерёдностью начальства, то и дело доносившиеся с переправы.

На следующее утро старшину «поминали» уже всей ротой, особенно когда ветерок потянул над стоянкой запах горячей пищи от других подразделений, ночевавших на берегу. Путём сложных переговоров с командиром батальона, ценной публичного порицания в непристойной форме от одного, красному от унижения ротному удалось добыть по полкотелка каши на человека, в виде шефской, так сказать, помощи. Сам он от пищи отказался и с гордым видом уселся у воды в одиночестве.

– Кару для старшины измышляет! – единым, коллективным разумом поняла рота. Поняла, одобрила и на глаза постаралась не попадаться, горизонтально рассредоточившись в траве за спиной командира.

А очередь батальона на переправу всё не наступала. Затоп из разного вида машин, повозок и личного состава разросся до размеров небольшого города. Маленький мост после прохода тяжёлой техники то и дело приходилось поправлять, что, конечно, не ускоряло процесса. Зато произошло событие, приковавшее внимание всех солдат и командиров, находившихся у реки: в небе над их головами появился силуэт небольшого самолётика. Может, он и давно там кружил, но из-за гула многотысячной толпы на берегу и рёва военной техники звук высоко летавшего самолёта с земли услышать было невозможно. Увидел Лёха его случайно, когда после не

очень сытного завтрака прилёт на траву с соломинкой в зубах. Оказалось, что Цепеленко с младшим лейтенантом, сидевшие рядом, уже обсуждают новоявленное «чудо» непонятной светло-коричневой раскраски, выписывавшее круги над их головами:

– А машина-то немецкая! Вон и кресты на крыльях – шпионит, гад! – взволнованно заявил командир взвода, пристально разглядывая самолёт в бинокль.

Брови младшего комсостава дружно поползли вверх: как это «немецкая»? Кто бы ей позволил вот так свободно над войсками летать? Однако недоверчивые комментарии, уже висевшие на языке, оборвало появление на голубом небосводе тройки «Чаек». Уж эти-то грозные силуэты споров ни у кого не вызывали. Краснозвёздные истребители, хищно задрав носы, быстро набирая высоту, стремительно неслись на шпиона. С вражеского самолёта «ястребки», похоже, заметили и не спеша повернули в противоположную сторону. Так они и скрылись за лесом на другой стороне реки, оставив наблюдателей гадать о результатах погони. Хотя об этом-то как раз и не спорили – и так ясно! Чего этот немец мог сделать против трёх сталинских соколов?!

– В клещи зажмут да сесть заставят, – с напускным равнодушием озвучил мысль Лёха, – я в книжке читал, приём это такой. Воздушный!

– А немец-то наглый какой! Считай, на сто вёрст от границы пробрался. Чуют, наверно, что жареным запахло, вот и

залетали. Как бы не рассекретили они нас, это же сколько он здесь всего высмотрел! Сволочь такая! – никак не мог успокоиться бледный от возбуждения младший лейтенант, то и дело, бросая взгляд вслед улетевшим самолётам.

– Если это разведчик, то у него рация стоит. Всё, что видел, передал уже... куда надо. А нам-то что? Говорили же по радио, учения идут! – вставил реплику Цепеленко.

– И чего? Поверят? – с сомнением спросил Лёха, оглядывая огромную толчею из людей и техники на обоих берегах реки.

– А не поверят, так и чего? – встрял в разговор подошедший сзади Димка Красовитов, пулемётчик из Лёшкиного отделения. – Накостыляем что так, что этак! Там это... зовут вас, товарищ младший лейтенант. К комбату вроде?

Взводный вскочил, отряхнулся и неуклюже посеменял в сторону импровизированного штаба батальона.

– Фуражку забыли, товарищ командир! – крикнул вслед Цепеленко, но из-за грохота на переправе услышан не был, а догонять младшего лейтенанта желания ни у кого не возникло.

– Ща комбат обратно погонит сохатого! – весело предсказал Красовитов, присаживаясь на траву.

Но что-то пошло не так: майор Терехов, ни разу не упустивший случая распечь подчинённых за неопрятный внешний вид, на отсутствие головного убора у младшего лейтенанта внимания не обратил, а, выстроив командный состав в

две шеренги, принялся что-то зачитывать по бумажке, энергично жестикулируя свободной рукой.

Вдруг из-за леса, что на той стороне реки, низко, почти касаясь крон деревьев, показалась одна из «Чаек». Биплан неуверенно, словно на ощупь, летел над переправой, оставляя за собой чёрный шлейф густого, жирного дыма. На мгновение Лёхе показалось, что над рекой повисла мёртвая тишина: провожая взглядом покалеченный истребитель, изумлённый народ задрал вверх головы. Сразу было видно – аэроплану крепко досталось: через крылья с задравшейся на ветру обшивкой просвечивало небо. Хвост изорван и закопчён так, что уже и не рассмотреть на нём той красной звезды, что ещё пять минут назад в погоне за вражеским разведчиком гордо пролетала над переправой.

Между тем не успел пролететь израненный «Ястребок», как из-за того же леса показались несколько остромордых самолётов, среди которых легко распознавался силуэт ещё одной «Чайки». Второй истребитель, похоже, был цел. Отчаянно маневрируя, ему каким-то чудом удавалось изворачиваться от попеременно заходивших сзади врагов. Выстрелов Лёшка не слышал, но по лёгкому дымному шлейфу, то и дело срывавшемуся с крыльев вражеских самолётов, понимал: не в бирюльки играют! Так и скрылись они за горизонтом, увлечённые своей смертельной игрой, не обращая внимания на тысячи зрителей, замерших по обоим берегам реки.

– Чего это было-то, а, Лёх? – раздался сзади жалобный

голос Димки. – Так нечестно, их много, а наш один!

– Трое наших было, Красовитов, трое... – выдавил из себя Цепеленко.

– Тогда почему не отбились? – уже непонимающе продолжал Димка.

– У тебя, Красовитов, патроны к пулемёту есть? – вопросом на вопрос ответил Лёха.

– А ты видел, чтобы наш стрелял? – разумно добавил Цепеленко.

– Нет, не видел. А чего они, без патронов-то? – не переставал сыпать глупостями рядовой.

– А ты чего, без патронов? А?! – поймав тему, хором спросили сержанты.

Отвечать Димке было некогда: объявили всеобщее построение батальона. Комбат долго кричал перед строем, грозил кулаком небу, топал ногами, да только проклятый гул с переправы свёл на нет все его усилия, и столь пламенная, явно перенасыщенная отборной бранью речь до личного состава не дошла. А жаль, ругаться майор умел виртуозно. Затем настала очередь политрука, и стало совсем неинтересно. Попробовали шёпотом попытаться взводного, но тот, обнаружив, что стоит в строю без головного убора, похоже, впал в лёгкий транс и на вопросы подчинённых не реагировал.

– Ну вот и дождались! Похоже, началось! Мои всем поздравления! – попытался острить, выстроив события в логическую цепь, Цепеленко. Стоявшие поблизости сослужив-

цы понимающе ухмылялись. Непонятен был лишь инцидент с «ястребками», но бывалый старший сержант и тут нашёл объяснение:

– Нас когда к финской границе подвели, те тоже чего-то похожее отчебучили, то ли пограничников обстреляли, то ли ещё кого. Главное, удачно получилось – и войска под рукой оказались вроде как случайно...

После команды разойтись взвод сгрудился вокруг командира. Однако слышали солдаты не совсем то, чего ожидали.

– Пришёл приказ сверху – в приграничных районах возможны провокации со стороны немецких генералов, которые хотят испортить дружеские отношения между советским и германским народами. – Лейтенант с благодарностью взглянул на протягивающего ему фуражку Алексея. – А потому приказано: на провокации не поддаваться, огня не открывать!

– Так патронов же нет. Как мы его откроем, огонь этот?! – похоже, выучил урок с истребителями Димка Красовитов. И тут же. – А когда патроны получим?

– Патроны, Дмитрий, тьфу, красноармеец Красовитов, у старшины. А старшина, если ты ещё не понял, на том берегу. – Фуражка командира взвода водрузилась на место. – Повторяю ещё раз, это не война!

– Так это генералы, что ли теми самолётами управляли? – опять невпопад ляпнул Красовитов.

– Да, Дима, четыре толстых немецких генерала! – одно-

временно с тычком под рёбра вместо лейтенанта «вразумил» своего бойца Алексей.

Дальнейшую беседу прервала череда разрывов. То есть, что это разрывы, никто не понял, просто земля под ногами вздрогнула, воздух ощутимо колыхнулся, а злополучная фуражка лейтенанта вновь покинула положенное ей воинским уставом место, словно и не было. Затем громынуло, да так, что Лёха присел. На противоположном берегу, из леса, поднимались столбы дыма и пыли. Взвод во главе со своим командиром, пытаясь рассмотреть произошедшее за рекой диво, привстав на цыпочки, дружно вытянул шею.

– Ложись, суки! Воздух! – звериный рык Цепеленко, подобно удару дубины, швырнул солдат на землю. А высоко в небе на запад уплывали три маленькие точки.

– Это бомбили нас, что ли? – подполз к Цепеленко Лёха.

– Не. Провоцировали генералы буржуйские! – зло ответил старший сержант. – Хотели, чтобы мы на эту провокацию поддались и камнями в ответ бросаться начали!

К ротному подбежал посыльный от комбата с приказом переправляться вплавь. Плавать во взводе умели все, вода была тёплой, река не широкой, а потому «водное препятствие» преодолели быстро и даже весело. Радостное настроение пропало, когда, построившись, проходили мимо леса, где разорвались немецкие бомбы. На опушке рядком, прикрытые окровавленным тряпьем, лежали тела семерых убитых красноармейцев. Оказывается, из-за неразберихи у мо-

ста некоторые подразделения переправлялись по частям – солдаты в тени деревьев дожидались своих товарищей. Здесь их и накрыло...

Глава вторая

Встретили поджидавшего их старшину с грузовиками. Без долгих разговоров отправили вперёд. Через пару часов движения в колонне добрались до дымившей в стороне от дороги кухни. Обед был готов, причём на этот раз всех угощала его, Лёшкина, рота, так как весь батальонный обоз и остальные кухни остались на том берегу.

Ротный, до блеска натерев тряпкой сапоги и приведя в уставной порядок форму, с каменным лицом лично преподнёс комбату котелок с горячей кашей. Старшине, конечно, перепало, но не сильно, особенно после рассказа о генерале, якобы лично отдавшем приказ на немедленную переправу всего старшинского хозяйства. Водители машин при проведении дознания старательно вытягивались по стойке смирно, пучили глаза и слово в слово повторяли версию старшины. В общем, виновных не оказалось, что, впрочем, никого особо и не удивило.

Батальон обедал в паре сотен метров от дороги, по которой продолжала тянуться на запад немного поредевшая вереница людей, подвод и техники. Каши, правда, было в обрез, ещё меньше, чем на завтрак, но причина была ясна и особо не обсуждалась, чего не скажешь о фашистских провокациях. Да и что это за провокации такие, когда столько людей побило?

– Может, не знали они, что люди в лесу? Может, просто попугать захотели? – с вопроса к Цепеленко завёл разговор о бомбёжке переправы младший лейтенант, сидевший посреди развалившихся солдат своего взвода.

– Вы, товарищ командир, видели, с какой высоты бомбили? – тревожно поглядывая назад, в сторону невидимой теперь переправы, ответил старший сержант. – С недолётом положили, чего тут думать.

– Значит, вернуться могут? – как всегда, встрял в разговор Алексей.

– А ты думаешь, почему нас комбат через реку вплавь отправил? – вопросом на вопрос ответил Цепеленко.

– А хозяйство наше: артиллерия, боеприпасы, миномётные и пулемётные взвода? – задумчиво перечислял Лёшка оставленные на том берегу подразделения и имущество разделённого батальона.

– Ничего. Комбат с ними начштаба оставил. Приказал технику в сторонке укрыть, а если что – искать объезд, – проявил осведомлённость взводный.

Загромыхало. Бойцы, не сговариваясь, повернули головы назад. Там, вдалеке, набухая и расширяясь, росло облако чёрного дыма.

– В колонну поротно! Становись! – донеслась дублируемая по цепочке команда. Марш продолжался.

«Какая-то непонятная война, – не переставая оглядываться на далёкое чёрное облако, размышлял Лёха. – Нам до нем-

да ещё пару дней топать, а она уже началась. Или не началась? А если началась всё же? Тогда наши передовые части, наверно, уже к Варшаве подходят. Нам пешком за танками ни за что не угнаться. Так и не увижу ни одного немца, прямо как Цепеленко на «финской». А он, кстати, молодец, никто не понял, что переправу ещё раз бомбить будут, – только комбат и Володька!»

Рассуждения младшего сержанта прервал чей-то истошный крик: «Воздух!»

Солдаты поспешно улеглись на спины, с любопытством разглядывая приближающиеся самолёты. Двенадцать зелёных машин с крестами на фюзеляже и фашистской свастикой на хвосте не спеша летели вдоль дороги со стороны переправы. Непривычный излом крыльев у основания и закрытые обтекателем не убранные шасси делали их похожими на стаю пикирующих, хищных птиц. Самолёты летели так низко и близко, что были видны лица пилотов и стрелков из-за стёкол кабины, поглядывающих на лёгкую панику внизу, вызванную их появлением.

Кто-то из бойцов неуверенно помахал рукой, один из немецких самолётов, перевалившись с боку на бок, махнул крыльями. Ответный жест лётчика, если, конечно, это был он, вызвал у солдат бурю восторга, и вскоре уже полбатальона, вскочив на ноги, радостно приветствовало пролетающую мимо немецкую эскадрилью. А через несколько мгновений, сделав небольшую горку, самолёты скрылись за лежа-

щим впереди холмом.

– И ничего это не война! – радостно затараторил за спиной у Лёхи стряхивающий пыль со штанов красноармеец Красовитов. – Нормальные мужики, хоть и фашисты! Правильно политрук говорил: немецкий пролетариат за буржуев воевать не станет!

– У этого «пролетариата» бомбы над переправой закончились, нечем ему с тобой воевать было, – ехидно ответил солдату Цепеленко.

– Похоже, что так, – невесело согласился боец, – а чего они здоровались-то тогда? Ручкой бы ещё помахали, гады!

– Да рожи наши испуганные увидели, вот и решили приободрить – не дрейфь, мол, пехота сиволапая, не настал ещё твой черёд! – со смехом ответил Димке кто-то из толпы. Взвод заржал, прогоняя страх и напряжение последних часов. Веселье мгновенно разлилось по всему батальону, и только замполит, с растерянным видом подскочив к сидевшему на подножке грузовика комбату, пытался привести того в чувство. А майор, со смехом вытирая катившиеся из глаз слёзы, поддерживая рукой трясущийся живот, орал на всю округу:

– А я-то, старый дурак, аж в кузов запрыгнул! Кхе, кхе! Стою по стойке смирно и ручкой так вослед, как баба на перроне! Кхе, кхе, кхе!

Уже на закате, выбрав место среди отдыхающих в негустом подлеске подразделений, остановились на ночёвку и

ужин. Батальон догнали машины с переправы. Леха с Цепеленко, изловив водителя одной из них, допросили с пристрастием. Оказалось, за день фашисты прилетали три раза.

– Мост так и не разбомбили, зато техники покалечили кучу, но потерь среди людей не очень много – успели разбежаться, – похоже, в который раз устало повторял длинный, как жердь, красноармеец. – Немец в основном за танками да артиллерией гонялся. А после бомбёжек к машинам подходить жутко – там же снарядов полно! Горит и рвётся всё до сих пор, наверное. Никто не тушит – страшно...

Рядом стояли танкисты, те самые три КВ-2 – вчерашние попутчики. Гремели гаечными ключами, приводя в порядок технику, долбили по железу кувалдами. Матерились жутко! Зато, неспешно прогуливаясь мимо, старший сержант Цепеленко с красноармейцем Красовитовым сумели умыкнуть у «братьев по оружию» огромный кусок брезента плюс пару штыковых полноразмерных лопат – чтоб унести, и, не особо торгуясь, променяли «добычу» у старшины на две бутылки водки, буханку хлеба да три банки тушёнки. Тот ещё и благодарил.

Позвав Лёху и растолкав ото сна младшего лейтенанта, удобно устроились в сторонке от спящего взвода. Подальше от глаз начальства. На недоумённый взгляд командира при виде спиртного бойцы ответили многозначительными ухмылками бывалых служак. Недовольного Димку Красовитова с банкой тушёнки под мышкой в качестве награды от-

правили спать: не по рангу ему с начальством за одним столом сиживать. В общем, вечер обещал быть приятным. Хорошего настроения добавил молодой майор, командир танкистов, присевший по нужде рядом. От камешка, метко брошенного Лёшкой, танкист испуганно подскочил и, сверкая голыми ягодицами, молча унёсся в темноту ночи. На обратном пути подошёл с грозным видом, но был приглашён к «столу», оттаял, да так и остался с компанией, восхищаясь умением пехоты – даже посреди «голового поля» раздобыть выпивку. Работой своих подчинённых продолжал руководить дистанционно – благо горло и армейский словарный запас позволяли...

Оказалось, что танкисты, как и их батальон, из одного механизированного корпуса – пятнадцатого, только из другой дивизии.

– Десятой танковой, Огурцовской! – как, не замечая в темноте насмешливых улыбок пехотинцев, гордо заявил подвыпивший танкист. На пьяный, с ехидцей Лёхин вопрос, отчего это целый майор «Огурец» всего тремя танками командует, хоть и тяжёлыми, захмелевший майор принялся врать про какой-то личный приказ товарища Сталина, а разглядев-таки в темноте недоверчивые ухмылки собутыльников, перешёл в «наступление» сам:

– У вас тоже на батальоне майор, а не капитан, да и староват он для этого звания. Ему по возрасту уже давно пора дивизией командовать!

– А наш дед на батальоне до сих пор сидит потому, что дуэлянт! Глаз у него верный и рука твердая! – с пьяным вызовом, гордо ответил за всех младший лейтенант.

– Что???

– А что слышал, майор! В тридцать шестом, по пьяному делу, застрелил кого-то! Говорят, из-за жены. Но ты не подумай, танкист, всё честь по чести было – на дуэли. Как раз его на полк поставили, обмывали вот... А полгода назад выпустили. Досрочно!

– Раз выпустили, значит, по уголовной статье сел. В тридцать шестом, говоришь? Хм, повезло, – задумчиво протянул танкист.

«Какое же тут везение? – молча пытался понять логику командира изрядно захмелевший Алексей, слышавший эту историю не впервые. – Четыре с половиной года человек отсидел! Хотя досрочно же выпустили – вот и повезло... Наверное?»

Тему сменили и под чоканье котелками принялись обсуждать события дня прошедшего. Решили, что разбомблённые войска на переправе – это никакая не провокация, а самая настоящая война с Германией. Просто штабисты страсть как секретничать любят – где надо и не надо... Шумно спорили о том, долго ли ещё немец огрызаться будет, и, пьяно признав того противником серьёзным, улеглись спать. Засыпая, Лёха опять переживал, что не успеет повоевать, что идут они медленно, а война их обгонит. Попытался горем своим по-

делиться с храпевшим рядом Цепеленко, но был прерван в грубой, ругательной форме и, замотавшись в шинель, обиженный, уснул.

Утром подняли ни свет ни заря. Заспанные бойцы хмуро поглядывали на комбата, гордо стоявшего на груди ящиков в кузове одного из грузовиков и лично руководившего побудкой. Благо глотка позволяла – кони ночевавшей рядом кавалерийской части испуганно фыркали и взбрыкивали. Чумазные, полусонные танкисты, полночи латавшие свои машины, недовольно ворчали, с головой укутываясь в чёрные, лоснящиеся от масла ватники. Один командир их, не обращая внимания на суету вокруг, укрывшись кожанкой, сладко посапывая, спал. Замёрзший Лёха, борясь с лёгким похмельем и с завистью поглядывая на безмятежно дрыхнувших бойцов из других подразделений, зло подгонял ворчащих на комбата солдат своего взвода.

Наконец колонной двинулись. Впереди, нещадно пыля, три оставшиеся полуторки на малом ходу; сзади, ту пыль, глотая и постепенно разогреваясь, – пехота. Сам комбат с кузова слазить не стал, присел только и с высоты своего положения продолжал руководить походом – главным образом пытаясь вернуть в строй выбегавших из него по малой и другой нужде солдат. Строил злую рожу, грозил кулаком, орал, конечно, но был не в силах победить природу, а потому через десять минут марша объявил остановку, чем и сам не преминул воспользоваться, причём с кузова не слезая.

И вот только снова тронулись, спереди, из-за леска, навстречу как-то неожиданно появились точки самолётов, через несколько мгновений превратившиеся в немецкие пикировщики с уже знакомыми хищными очертаниями. Вражеская эскадрилья, казалось, летела мимо, чуть стороной, но, заметив колонну на дороге, набирая высоту, повернула к ней. Хор глоток взревел: «Воздух!» Все побежали по кюветам – прятаться.

Сначала было почти не страшно; Лёха, лежа на спине, разглядывал приближающегося врага. Над дорогой самолёты по очереди стали переворачиваться через крыло и в пикировании устремились к земле.

Высота была небольшой, молодое Лёшкино зрение, не обременённое излишним чтением, – остро. А потому захватывающая дух картина штурмовки предстала перед младшим сержантом во всей красе. Вот из-под крыльев первого пикировщика плавно выплыли щитки в виде решётки. Воздух взвыл! Вой мурашками растёкся по телу, ворвался в голову и, парализовав, подчинил себе полностью. Хотелось бежать, но уже невозможно было оторвать взгляда от хищного излома крыльев надвигающейся с неба смерти.

Вдруг всё закончилось. Щитки спрятались обратно, сирены замолчали, и самолёты, выйдя из пике, вновь стали набирать высоту. Затем опять завывло, но уже сзади: на недавно оставленном месте ночёвки загромыхали разрывы. Не страшно, словно швейные машинки, застрекотали пулемё-

ты. Лёшка видел лошадей, в ужасе несущихся по полю. Полусонных, очумевших солдат, в панике разбежавшихся в разные стороны. Затем на дороге показался грузовик. Не обращая внимания на ухабы, высоко подскакивая и опасно кренясь, машина на бешеной скорости неслась в их сторону.

Подлетев к перегородившим путь полуторкам Лёшкиного батальона, шофёр, не снижая скорости, попытался объехать их по обочине, но не смог удержать автомобиль на насыпи и, шарахнувшись кузовом о последнюю в колонне машину, перевернувшись, слетел в кювет.

Не придав большого значения досадному происшествию, Алексей продолжал разглядывать фашистские самолёты. Вот, резко взлетев вверх, вражеская машина на мгновение зависла в воздухе и, перевернувшись, стремительно понеслась к земле; опять завывла сирена, застрекотали пулемёты. Затем всё повторилось, но уже с другой стороны.

– Красиво, блин, летают! Как акробаты в цирке! – прошептал Лёха, затем, вспомнив свои недавние ощущения от такой «красоты», с ненавистью добавил: – Сволочи!

Налёт закончился неожиданно быстро. Видимо, израсходовав боезапас, бомбардировщики собрались вместе и с набором высоты не спеша пошли на запад, а пролетая мимо залёгшей по обочинам дороги пехоты – весело помахали крыльями.

Защёлкали винтовочные выстрелы. Замполит батальона, пристроившись на капот одной из стоявших машин, в бес-

сильной ярости спешно стрелял вслед улетающим самолётам. Затем, грохнув разряжённой винтовкой о землю, с удручённым видом присел на подножку. Перепачканные землёй бойцы не спеша выползали из кювета. Строились. У опрокинувшейся полупортки собралась толпа. Видно было комбата, как всегда, шумно и с руганью руководившего работами. Вскоре опрокинувшуюся машину поставили на колёса, вытолкали на насыпь. Затем...

От того, что Лёха увидел затем, у него потемнело в глазах: на дорогу вынесли и аккуратно выложили в рядок несколько неподвижных тел.

– Сколько? Не видишь? – сипло спросил стоявший рядом взводный, тщетно протирая очки грязными, в пыли руками.

– Четверо, кажется, – выдавил из себя Алексей.

– Там водила ещё отходит. Грудь ему баранкой проломило. А этим по головам проехал, сразу всех насмерть, – разъяснил ситуацию подошедший с места происшествия Цепеленко. И мрачно добавил, увидев, как засобирались к аварии Лёха: – Не ходи, комбат там рвёт и мечет, увидит людей лишних – побьёт! Сам еле ноги унёс...

Пока, укрывшись под кронами деревьев ближайшего леса, батальон прощался с погибшими товарищами и водителем злополучной полупортки, с места вчерашней ночёвки вернулся разведывательный взвод под предводительством политрука. Ребята рассказали об искалеченных взрывами КВ-2, уничтоженной роте лёгких плавающих танков, поби-

тых лошадях да побросавших своё добро, разбежавшихся интендантах. Пригнали пару почти неповреждённых, лишь с выбитыми стёклами, бесхозных грузовиков трёхтонок, тяжело гружённых продуктами и боеприпасами. На вопросы о людских потерях отвечали с содроганием:

– Не сосчитать! По веткам кишок намотано... Рвало всех, думали, свои потроха там выблюем! Военфельдшер раненых лечит, человек сто их, наверное, а он один и три санитаря. Мы помогли немного, да там уже народ возвращаться начал. Побоялись, что хозяева машин найдутся, пришлось тикать. Ничего, на боевые потери спишут, там таких штук двадцать догорает. Замполит сказал, нам нужнее.

Комбат приказал провести с личным составом беседу по технике безопасности и раздать патроны. А буквально через десять минут слух резанула короткая пулемётная очередь, прибавив к могилам у дороги ещё один холмик...

– Куда идём-то? Немец где? Зачем нас за сто вёрст от границы высадили, железнодорожные пути ведь до самой Германии идут? – засыпал окружающих вопросами Красовитов, деловито набивая патронами пулемётные диски. Не забывая при этом покрикивать на своего второго номера – хохла Миккулу, неумело помогавшего ему в этом небыстром и нелёгком занятии.

Продолжение марша было недолгим. Видимо, здраво рассудив об опасности воздушных налётов и до выяснения обстановки, командир батальона приказал отдыхать до заката,

укрывшись в большом саду, недалеко от пустынного, красивого селения из белых, крытых соломой хат.

К обеду ближе хорошо просматривающаяся с места стоянки батальона дорога начала заполняться колоннами войск и гражданскими, продвигающимися в обратном от границы направлении. Вдоль пути то и дело проносились пары вражеских самолётов, но, видимо, не найдя достойной цели среди повозок, грузовиков и пехоты, ревя моторами, скрывались за горизонтом. Танки и артиллерия, наученные врагом ещё в первый день войны, укрывшись в ближайших лесах, засветло на дорогу не выезжали.

Вскоре батальон нашёл посыльный мотоциклист. Обрисовав обстановку и начертив на клочке бумаги схему маршрута движения, курьер, лихо развернувшись, умчался дальше разыскивать разбросанные по дороге подразделения дивизии.

– Даже карты не оставил! – процедил комвзвода, с интересом наблюдавший за происходящим.

– У комбата своя, поди, есть? – откликнулся Алексей.

– В том-то и дело, что нет. Ни у комбата, ни у танкиста вчерашнего. Я спрашивал.

– У делегата этого тоже нет, – безапелляционно заявил Цепеленко. – Чего бы он на пальцах объяснялся да схемы на бумажках рисовал...

Подбежал красный от возбуждения ротный. Короткое совещание с командирами взводов. Команда на сбор, построение.

ние и вперёд – отменил-таки курьер дневной отдых.

Глава третья

За селением свернули с основной дороги и по еле заметной в траве полевой двинулись вдоль садов, виноградников да опрятных, но безлюдных сёл на север.

Рассказ взводного хорошего настроения не прибавил, а ситуацию так и вообще запутал. Оказывается, напал всё-таки немец! Но с большим трудом прорвался лишь на немногих участках границы. А потому батальону приказано, совершив шестидесятикилометровый ускоренный марш, соединиться с полком и при поддержке танковых соединений корпуса с рассветом выбить противника за границы СССР. Затем на плечах бегущего врага вступить на его территорию, развивая успех и неся освобождение угнетённым капиталистами трудовым европейским массам.

– Шестьдесят километров?! Мы же к утру еле ноги волочить будем. А как немца гнать? Да ещё и «массы» эти «трудовые» освободить. У нас патронов раз-два и обчёлся, – побрякивая под тяжестью пулемёта, ворчал в Лёхину спину Димка Красовитов.

Честно говоря, Лёшка тоже войну по-другому представлял, и то, что происходило сейчас, на его мечты мало походило. За два дня, не встречая противника, батальон потерял пятерых человек убитыми, всё тяжёлое вооружение вместе с обозом. И это ещё легко отделался. Спасибо комбату – два

раза людей из-под бомбёжки выводил.

Ближе к вечеру, ускоренным маршем отмахав без малого полпути, не сделав ни одного привала, пошатываясь от усталости, вышли на «большак». Дорога эта, как и предыдущая, была плотно забита войсками и техникой, двигавшимися в разных направлениях. Кто-то уже получил приказ на отступление, кто-то продолжал выполнять поставленные ещё до войны задачи, явно устаревшие, но никем не отменённые. Множество подразделений заняли придорожные леса и сады. Во избежание налётов авиации противника, пережидая здесь светлое время суток. Либо надеясь получить новые указания от начальства в связи с изменившейся оперативной обстановкой. Здесь же Лёха впервые увидел результаты налётов вражеской авиации вблизи: дымящиеся остовы машин, вздувшиеся лошадиные крупы и плохо присыпанные, в воронке, людские тела с торчащими из-под земли скрюченными, почерневшими конечностями. А запах! А эти мерзкие, жирные мухи! Кого-то из бойцов в батальонной колонне шумно вырвало в пыль...

Бомбили тут чаще: впереди показалась уничтоженная колонна лёгких танков БТ. По-видимому, боевые машины пытались укрыться в негустом леске у дороги, да не успели. Лёшка насчитал шесть обуглившихся, покалеченных остовов. Некоторые, очертив вокруг себя круги из горелой травы и кустарника, продолжали дымиться. Страшно было представить, что экипажи находились всё ещё там.

Легковушки, впрочем, тоже вызывали у фашистских пилотов живой интерес: слишком много их, изорванных пулями и осколками, было распихано по кюветам.

Паники пока не было, но хаос и неразбериха – первые её признаки – присутствовали в полной мере. Впервые за службу Лёха почувствовал себя, нет, не испуганным, конечно, скорее, растерявшимся. А тут ещё, в этой толчее, потерялся солдат из Лёшкиного отделения. Тот самый второй номер пулемётчика Красовитова – Микула. Улыбчивый, долговязый парнишка, украинец, весело и звонко тараторивший на причудливой смеси славянских языков со своим приятелем белорусом из соседней роты. В последнее время притихнув, боец всю дорогу плёлся рядом и вдруг исчез, словно растворился в этой дорожной неразберихе.

Алексей с ног сбился, разыскивая недотёпу. Наконец, нашёл, причём с другом, лежащими в траве у дороги. Оказалось, присели перемотать портянки да потеряли из виду батальонную колонну. Получили пинок под зад – для скорости – и побежали догонять подразделение. Догнали. Своего «хохла» вернул в строй, а когда пошёл возвращать его товарища, напоролся на батальонного политрука. Пришлось по всей форме доложить о конфузе. Получил приказ немедленно препроводить нерадивых солдат к комбату, в голову колонны. С Красовитовым препроводили. Сдали старшине. Пока ждали подхода своего взвода, нашлось время позубоскалить.

– Видал, Димка, как старшина наш на повышение пошёл – весь тыл батальонный под себя подмял, – облокотившись на торчащий из кювета кузов разбитого грузовика, весело ехидничал над ротным толстяком Лёшка.

– Того тыла пять машин и осталось. А зачем мы этих бедолаг к комбату отперли? – нахмурил лоб Красовитов.

– Да уж не за наградой, понятно. Накажут, ясное дело. Что-то мне не верится, что они случайно отстали.

– А чего им сделают-то? Мы же на войне, тут губы нет! – довольно хохотнул рядовой.

– Ничего, найдут, как наказать, не переживай. Был бы солдат, а наказанье для него всегда найдётся.

Батальон принял вправо и, сойдя с дороги, выстроился на поляне у леса. Думали, привал – ошиблись, перекличка! Выкрикивая фамилии бойцов, забегали командиры. Сержанты, словно гончие, носились вдоль строя, тщетно пытаясь разглядеть в чужих подразделениях своих пропавших подчинённых. Политрук со взводом разведки рысцой припустил назад по ходу движения, но где там: попробуй найти кого-то в такой уйме народу. Через полчаса вернулись «пустые».

Всё это время Леха с Цепеленко, стоя в строю, весело комментировали бестолковые метания командования, благо, в их взводе весь личный состав наличествовал. За исключением сданного старшине Микулы, разумеется. А вот в соседних взводах и ротах наблюдалась явная нервозность: где по человеку, где по двое, но отсутствовало. Причём почти все

«потерявшиеся» были недавно призваны в армию из местных областей. И набралось таких аж девятнадцать человек. Западенцы, мать их так!

Комбат ревел, как раненый бык, с кулаками набрасываясь на подбегающих с очередным докладом ротных. И плевать он хотел на субординацию, на глазающих солдат и на: «Пошёл вон, горлодранец!» – замполита, пытавшегося урезонить не в меру разошедшегося командира.

Избиение батальонного начальства прервала четвёрка немецких истребителей. Появившиеся, словно из ниоткуда, самолёты, звеня моторами, прошли над колоннами солдат и техники, поливая из пулемётов всё живое. Горячий беспощадный металл в ключья, в кровавые ошмётки рвал дышащую единым ужасом толпу на дороге.

Вздыбились ужаленные пулями кони, выкручивая, ломая оглобли, круша обломками повозок и орудийных передков всё вокруг. Взревев моторами, с места рванули полуторки, безжалостно подминая под себя растерявшуюся, замешкавшуюся пехоту. Но только лишь для того, чтобы через пару метров со звоном разбитого стекла уткнуться капотом в кузов другого грузовика или, распоров радиатор, упереться в перевёрнутую лошадыми пушку. Словно подкошенные, как тряпичные куклы, валились с ног прошитые вражьем свинцом солдаты. А ещё через мгновенье налёт закончился.

Из оцепенения Лёшку вывело подёргивание за штанину. Опустив растерянный взгляд книзу, Алексей увидел Цепе-

ленко. Старший сержант выразительно предлагал ему присоединиться к горизонтальному положению взвода. Лёха, продолжая разглядывать хаос, творившийся на дороге, сел.

– Блин, комбат у нас словно заговорённый! Который раз уже пронесло! – негромко выдал старший сержант.

– Надо же что-то делать? Помочь как-то! – мотнул головой в сторону свалки из людей и техники тут же распластавшийся Красовитов.

– Лежать! Без тебя разберутся! – зло прикрикнул на бойца начинающий приходить в себя Алексей.

Ситуация на шоссе приходила в норму: ещё не отошедшие от налёта солдаты, под матерные окрики командиров, начали собирать раненых и убитых товарищей, освободить от разбитой техники проезжую часть, тушить тлеющий в кузовах груз.

Вновь построились. Успокоившийся комбат, уже без ругани, по-деловому, проводил совещание с командирами подразделений. Бойцы, вполголоса поругивая начальство, стоя в строю, устало переминались с ноги на ногу.

Движение на дороге возобновилось, только добавилось на обочинах разбитых машин и повозок. Вокруг них, заламывая в истерике руки, носились разного рода интенданты. Водители же деловито пытались восстанавливать покалеченную технику, по большей части забирая запчасти с машин брошенных, бесхозных. Коих по обеим сторонам пути напихано было в избытке. Коней, правда, не хватало, ну а на что

пехота? И покатались дальше осиротевшие было, безлошадные сорокопятки и повозки.

Из толчеи на шоссе, беспрестанно сигналив, требуя дать проезда, вывалилась избитая эмка. С трудом перевалив кювет, легковушка, паря радиатором, подъехала к строю батальона. Звания толстого дядьки, с трудом вылезшего из переднего пассажирского сидения, Леха не разглядел, но звонкая, словно щелчок пастушьего кнута, команда: «Смирно!», – вытянувшиеся командиры батальона, чёткий, залюбуешься, строевой шаг комбата, доклад по всей форме не оставляли сомнений в серьёзности чина нежданного гостя.

Выслушав доклад, «гость» здороваться с личным составом не стал, команду «смирно» не отменил, а в сопровождении комбата важно прошествовал в сторону батальонных полуторок, укрытых в тени леса.

Отсутствовали недолго. Не успели Алексей с Вовкой Цепеленко втихаря перекурить за строем, обсудив заодно, что немецкие истребители по этой эмке огонь и вели. Промазали просто... Как вышли – впереди бледный, как снег, комбат. За ним замполит с солдатским вещмешком, о чём-то переговариваясь на ходу с «важной шишкой». Следом, под конвоем старшинских водителей, вели Микулу с другом. Перед строем встали. Сзади, кучкой, подтянулись остальные командиры батальона. Арестованных вывели вперёд. Микула, увидев родной взвод, виновато улыбнулся, оглядел конвой и недоумённо пожал плечами. Друг его стоял, молча по-

нузив белокурую голову. Оба без ремней и головных уборов. Великоватые гимнастёрки, коричневые от пыли сапоги, грязные, в разводах лица. Безвольно опущенные вдоль тела руки Микулы нервно теребили прошитые края гимнастёрки. Рядом, чуть позади, поблёскивая штыками в свете заходящего солнца, весело щерились сослуживцам довольные неожиданно свалившейся «привилегией» шофёра.

Опустив голову, что-то разглядывая у себя под ногами, покачиваясь, старый майор долго стоял перед строем. Явно затянувшуюся паузу прервал властный голос незнакомца:

– Не устраивай комедию, майор! Выполняй приказ! – скрестил на груди руки «гость».

Комбат поднял глаза...

Всё увидел Лёха со своего места в строю: и посеревшее лицо командира, и усталый взгляд из-под густых, седых бровей, и искривившиеся в нервной гримасе губы. Сделав глубокий вдох, майор заговорил:

– В этот роковой час, когда коварный враг подло напал на единственное в мире государство рабочих и крестьян, в наших рядах завелись трусы и пособники разного рода фашисткой сволочи! – хрипел, набирая силу, голос комбата.

Замполит за спинами арестантов опустил вещмешок на землю.

– Но пусть они знают, что нет и не будет к ним пощады со стороны нашей Советской Родины!

В руке комиссара Алексей разглядел воронёную сталь пи-

столета. Курок был взведён заранее. С последними словами командира – короткий шаг между конвойными, сухой щелчок выстрела. Микулин друг, так и не подняв головы, оседая на землю, безвольно подломился в коленях. Конвойные, явно не ожидая такой развязки, в ужасе шарахнулись в стороны, сбивая с ног и чуть не насадив на штыки ближайших к ним командиров. Задели и замполита, а потому второй, Микулин, выстрел ушел в небо. Посмотрев на упавшего друга, присевший было от неожиданности солдатик с низкого старта рванул вдоль строя к ближайшему лесу. За ним, стреляя на ходу, кинулся политрук. Попал, Лёха видел, попал! Но парень, извиваясь и вскрикивая от каждой жалившей его пули, продолжал бежать: не хотело молодое тело смерть принимать, боролось... Наконец, метров через полста этой безумной гонки, уже к всеобщему облегчению, боец упал. Замер. Затем, видимо услышав шаги замполита, на ходу перезарядившего пистолет, израненный солдат перевернулся на спину и, закрыв глаза рукой, – закричал. И от этого его детско-го: «Мамка! Не убивайте, дяденька!» – у ошалевшего от увиденного убийства Лёхи и вовсе потемнело в глазах.

Батальон ушёл. Забрав «таинственный» вещмешок, сквозь брезент которого явно проступали очертания консервных банок да хлебной буханки, не попрощавшись, уехал и «большой чин». Лёшкиному отделению выпала доля хоронить расстрелянных бойцов. Комбат оставил одну из полуторок и замполита – старшим. Заканчивать, значит, нача-

тое. Бойцы сноровисто ковыряли землю сапёрными лопатками. Водила, один из бывших конвойных, попытался было отсидеться в машине. Но встретившись взглядом с Алексеем, всё понял и, достав из кузова полноразмерную штыковую лопату, присоединился к остальным. Дело пошло быстрее. Политрук сидел в сторонке, отрешённо уставившись в одну точку.

Пересилив себя, Лёшка подошел к лежащему навзничь Микуле, присел. Зачем-то намочил водой из фляжки тряпицу для чистки оружия и принялся осторожно протирать заплаканное, в разводах грязи и крови, бледное лицо сослуживца. Хотелось извиниться – а как? Сзади нависла тень неслышно подошедшего замполита. Сделав вид, что не заметил начальства, Алексей, с ещё большим усердием, продолжал протирать лицо убиенного товарища...

Своих догнали уже затемно. Водила летел, как сумасшедший, в темноте, без света фар, то и дело, обгоняя, откуда ни возьмись появившиеся на шоссе танковые и артиллерийские колонны. Всю дорогу, вцепившись в деревянный борт полуторки, подставив лицо струям посвежевшего воздуха, Лёха плакал, как плакал политрук над могилой расстрелянных им же солдат. Жалко было всех: и погибшего Микулу, и безымянного для Алексея друга его белоруса, и замполита с его запоздалым раскаянием. А ещё было безумно страшно: ведь в смерти бойцов была и его, Лёшкина, огромная вина. Не найди он пропавших солдат, ничего этого не случилось бы.

Как хотелось всё вернуть назад, ведь рядом же, и пары часов не прошло, как все были живы! Ан нет – нет теперь в Лёшкином отделении помощника пулемётчика рядового Микулы Сапрыги...

Прибыв, доложились взводному и в строй. Уже под утро порядком уставший Лёха стал явственно различать артиллерийскую канонаду. Однако всполохи зарниц быстро погасил летний рассвет, а следом опустившийся туман скрыл и окрестности. Звуки боя приближались с каждым часом, да только уставшие солдаты скоро перестали обращать на них внимание; гораздо сильнее волновал вопрос о еде и привале. Хотя нет, скорее, о привале. Даже семижильный старший сержант Цепеленко начал, засыпая, на ходу спотыкаться, чего уж об остальных говорить.

Батальон плутал. Чужих подразделений вокруг не осталось. Несколько раз меняли направление движения, затем, кажется, возвращались обратно; канонада грохотала уже со всех сторон. Сам Алексей двигался размеренно и экономно, бездумно уцепившись взглядом за вещмешок впереди идущего красноармейца. Усталость его выражалась в полнейшем безразличии, как к своей судьбе, так и к окружающему его миру. А потому короткая и близкая – в упор – пулемётная очередь в голове колонны послужила лишь долгожданным поводом свалиться в мягкую, как тёткина перина, дорожную пыль. Впереди между тем бойко защёлкали винтовочные выстрелы, затрещало сразу несколько автоматов, ух-

нули гранатные разрывы. Пулемёт же, несмотря ни на что, продолжал свою песню. Пули его с жужжанием проносились над распластанными на дороге телами, в тугую пружину сжимаемая прохладный утренний воздух.

«Это же бой!» – с приличным запозданием пронеслось в Лёшкиной голове. Однако стрелять было не в кого: просто ничего не видно. Приказал отделению переползти в кювет и не высовываться, а сам ужом рванул вдоль дороги на звуки выстрелов. Пока добрался до головы колонны, всё было кончено. Громко сопя, выскочили из тумана и рысью пронеслись вперёд озадаченные громилы-санитары. Ориентиром им был переливистый, не промахнёшься, мат комбата. Взяв автомат на изготовку, Лёха рванул было следом, но сразу же наткнулся на вынырнувшего из «белого киселя» старшину и, получив команду, кинулся обратно, за взводом. Распоряжение не было неожиданным: Лёшкино подразделение снова превратили в похоронную команду. Батальон получил приказ на короткий привал, а Алексей – немало «добрых» слов и «ласковых» взглядов от сослуживцев, ковыряющих сырую, заболоченную землю на обочине дороги, исключительно благодаря ему, Лёшиному, любопытству.

Хоронили пятерых наших со взвода разведки пареньков и троих... тоже наших, из поставленного в заслон пулемётного расчёта. Вероятно, ребята спросонья не смогли правильно разобраться в обстановке, и получилось восемь трупов, тринадцать раненых и две батальонные полуторки на выброс.

Через полчаса всё было кончено: братская могила на обочине, рядом разгруженные грузовики, окровавленные бинты да изувеченный гранатными осколками пулемёт «Максим» на краю мелкого, осыпавшегося окопчика...

Ближе к полудню вышли к большому, забитому войсками селу, входить в него не стали – по приказу комбата расположились в сторонке, в огромном сливовом саду у дороги. Получили команду на привал – устало свалились на землю. Последнее, что запомнил Алексей, были командиры рот батальона во главе с майором, уходившие в сторону белых с жёлтыми камышовыми крышами хат.

Проспал Лёха часа четыре, не меньше. Здоровый, молодой организм, частично решив проблему с усталостью, немедля разбудил хозяина с посылом на пустой желудок. А виной тому был, конечно же, старшина и волшебный запах мясной каши, исходивший от передвижной ротной кухни! В этот раз на еде не сэкономили, досталось всем по двойной норме, а что хлеб чёрствый, так тут главное не спешить и дать ему хорошенько пропитаться, насытиться душистой влагой от густой и горячей каши, а ещё лучше покрошить прямо в котелок!

За обедом от Цепеленко узнал новости: раненых отнесли в село, в лазарет. Комбат с командирами рот ещё не возвращались. Утреннее наступление прошло без их участия. Село забито тыловыми частями, боевые же подразделения, включая их полк, ушли далеко вперёд и там ведут бои. Красовитов

и ещё половина батальона натрескались неспелых, твёрдых как камень, фруктов и уже часа полтора обильно удобряют дальние окраины сада. Отсюда и добавка за обедом: многим стало не до еды. Иванович, батальонный фельдшер, устроил жуткий разнос всем командирам взводов.

– Всем, кроме нашего! – гордо поднял вверх грязный указательный палец Володька. Сзади нетвёрдым шагом подошёл и сам любитель неспелых плодов, красноармеец Красовитов. Садиться не стал, а, прислонившись к тонкоствольному дереву, замер в сторонке: видимо, хотел остаться незамеченным. Однако не вышло.

– Да ты не переживай, Лёха! Из нашего взвода только Димка той отравы и налопался. Остальным я запретил, – во весь голос, чтобы все слышали, веселился Цепеленко, – а Димке разрешил. Как другу разрешил! Ну и в качестве пособия учебного, конечно, чтобы остальным неповадно было! Зато теперь наш взвод единственное боеспособное подразделение в батальоне! А остальные переквалифицировались в минно-заградительные отряды. С химическим уклоном...

Смех прервала команда на построение. Батальон получил приказ: обеспечить оборону села с западного направления.

Глава четвёртая

Лёшкино отделение рыло окопы у дороги, метрах в трёхстах от последних хат, как раз в центре обороны. Копали на совесть: к вечеру одиночные окопчики для стрельбы лёжа превратились в полноразмерные ячейки на двух пехотинцев. Однако подошедшие Цепеленко со взводным стараний Лёхиных ребят не оценили и предложили, в приказной форме, ячейки между собой соединить ходами сообщений да прорыть ещё один ход – тупиковый, в конце с ямкой: для любителей фруктов, чтобы позиции отделения своей беготнёй не выдавали. И всё это хорошенько замаскировать приказали, наверное, чтобы до рассвета уж не ложиться! Поднапрягшись, управились дотемна и, выставив охранение, завалились спать.

Утром немцы бомбили село. Проснувшись от близких разрывов, Лёха смотрел из окопа. Сначала бомбили свысока. Самолётов тех толком и не видать было, но бед понаделали предостаточно: с разных концов небольшого селения заклубились дымовые столбы – горели плотно стоящие друг к другу строения. Украинские мазанки, что так нравились Лёшке издали, от близких разрывов легко превращались в кучу пыли с быстро занимающейся пламенем соломенной шапкой наверху. Непонятно, откуда взявшийся, ветер то пламя подхватывал и разносил «подарочек» по сосе-

дям. Чем больше горело домов, тем выше поднимались огненные столбы, и, наконец, объединившись в единое целое, огромный огненный монстр с рёвом, треском и искрами начал пожирать селение.

Опомнившись, расквартированные там «штабные» шустро рванули от пожара. С огнём никто не боролся; куда там, только драпали! Толпа пехотинцев – кто босиком, а кто и в исподнем – мгновенно заполонила улицы. Санитары с носилками, словно муравьи с яйцами из разорённого кем-то муравейника, не обращая внимания на нелёгкий груз, резво неслись к спасительным фруктовым зарослям на окраине. Разномастная техника, ревя моторами, разом ринулась в поле. Тут-то и наступила очередь пикировщиков. Много их было, очень много! После двух десятков Лёха сбился со счёту. Бомбили, стреляли из пулемётов, словно гончие псы на охоте, гонялись за каждой машиной, каждой не успевшей укрыться в кронах садовых деревьев повозкой. А при выходе самолётов из смертоносного пике, Алексей это отчётливо видел, за дело брались бортовые стрелки-радисты, щедро поливая свинцом в панике мечущихся по полям людей...

Наступление продолжалось. К полудню войска вновь потянулись на запад. Наскоро, в воронках, хоронили погибших товарищей и уходили части, квартировавшие в селении. К обеду никого не осталось, лишь потрескивая боеприпасами, тлели и дымили развалины позади их батальона, да коптила небо, истерзанная немецкими пикировщиками, разбитая,

покалеченная техника. Изрядно поредевший разведывательный взвод под командованием старшины опять мародёрничал: добывал из брошенных машин и со складов сторевавшего села продовольствие и, вообще, что придётся. Собирал отбившихся от подразделений «ничейных» людей. Народу набралось ещё на одну роту – четвёртую.

Вечером ели до отвала: и тебе свинина жареная, и рыба консервированная, и сахар, слипшийся от огня до состояния леденца без палочки. Разжились боеприпасами без меры, нашли два целых пулемёта «Максим» с полными боекомплектами. Две пушки сорокопятки с тремя красноармейцами – остатками расчётов. Остальные артиллеристы и орудия дивизиона то ли разбежались, то ли побило всех – потерялись, короче. В общем, комбат ту артиллерию быстро «усыновил» и поставил на самом танкоопасном направлении – как раз за Лёшкиным взводом. Лёха со своим отделением, по приказу командира роты, поступил в распоряжение старшего сержанта-артиллериста.

Сначала зарывали и маскировали пушки, затем рыли окопы для боеприпасов. Перекур десять минут, и снова окопы, поодаль – уже для расчётов. Потом соединили всё ходами сообщения. Перекур, и чуть в стороне – запасные позиции по той же схеме. Снова перекур, и тренировка: старший сержант – командир, бойцы-артиллеристы из пушечного расчёта – наводчиками. Лёхины пехотинцы в роли заряжающих да подносчиков снарядов. Сам же командир отде-

ления, младший сержант Алексей Крайнов, оставшись без личного состава, в земляных работах участие принимать отказался, впрочем, как и в тренировочных стрельбах, а отобрал пулемёт у Димки, удобно устроился впереди, в опустевших теперь траншеях отделения. «Предатель» же Красовитов, получив должность заряжающего при пушке, казалось, жизнью был доволен полностью и распоряжениям своего нового командира внимал с превеликим почтением, благоговением даже! Чем, безусловно, вгонял Лёшку в ещё большее уныние.

Впрочем, целый день копали не только новоиспечённые артиллеристы, весь батальон под пристальным взглядом своего командира с усердием вгрызался в землю. Старорежимный комбат, всю первую мировую проторчавший в окопах, дело своё знал и спуску не давал никому. За первой полосой окопов быстро появилась вторая, далее рыли противоздушные щели, строили землянки от непогоды и ночной сырости. Ещё дальше, почти на окраине села, соорудили наблюдательный пункт и блиндаж для начальства. Артиллеристы, потренировавшись в зарядании, ближе к вечеру провели учебные стрельбы, посмотреть на которые собралось всё батальонное начальство. Что и говорить, хороша наша сорокопятка! За пятьсот метров, в сумерках, с третьего выстрела, завалили выбранное мишенью одинокое дерево. Правда, при стрельбе орудийной отдачей зашибло руку заряжающему Красовитову. Рука у Димки моментально припухла, и по

причине временной недееспособности из пушечного расчёта бойца отчислили. Нельзя сказать, что Лёха сильно обрадовался несчастью товарища, но и переживать за него не стал – чай не перелом.

Снарядов было много, пострелять хотелось всем, включая комбата, а потому «пристрелку» проводили до темноты. Да так увлеклись, что не заметили головы колонны, медленно выползающей из леса впереди. Объявили тревогу. Навстречу для опознания пустили грузовик с разведчиками. Оказалось – свои. Отходили в тыл израненные части их мехкорпуса: изнурённые лица пехоты, усталые лошади с ранеными бойцами в повозках, много повозок, очень много! Грузовики, трактора с запылёнными, изувеченными пушками на прицепах и опять же ранеными и смертельно уставшими солдатами в кузовах, на пушечных лафетах. Танки в сцепках, натужно тянущие своих изломанных в боях собратьев.

Высыпав из окопов, бойцы батальона, угощая водой и папиросами проходивших мимо товарищей, пытались выяснить подробности, но измученные, подавленные люди лишь устало отмахивались на ходу: мол, придёт время, сами всё узнаете.

Вскоре с востока, навстречу отступавшим войскам, потянулись свежие, не участвовавшие в боях части. Однако называть их свежими было не совсем верно. Пехота после многодневного, изматывающего марша еле держалась на ногах. Уставшие лошади обессиленно присаживались, изгиба-

ли спины под плетьюми бредущих рядом ездových. Танки наступающие, точно так же, как и отступавшие, тянули за собой машины, побитые длинной дорогой и вражескими бомбами. Добравшись до сгоревшего селения, танкисты изломанную технику отгоняли в болотину – метров за двести от обочин, затем, слив топливо и разукомплектовав, зажигали... Комбат, говорят, просил оставить, пушки-то целые, но не дали – не положено! Просили только акт об уничтожении подписать.

В темноте ночи танки горели красиво: огонь столбами вырывался из открытых люков, заставляя испуганно вздрагивать измученных лошадей, детонировали пары топлива и оставшийся боезапас. Вдали тоже грохотало, полыхали зарницы: бои продолжались и ночью. Всё это действие – отблески пламени на измождённых лицах солдат, грохот разрывов, щелчки «лопающихся» в огне патронов, всполохи на горизонте – напоминало Лехе картинку из виденной в детстве «поповской» книжки про ад...

По словам взводного, их батальону приказано продолжать прикрывать уже не хутор, но саму дорогу.

С утра на опустевшем к рассвету пути, откуда ни возмись, появились немцы. Весело тренькая звонками на кочках, к засевавшему в обороне батальону приближались с десятков велосипедистов. Резанули слух и разбудили Лёху, давно привыкшего к постоянной канонаде, именно эти звоночки. Оглядевшись по сторонам, он с удивлением понял – никто не

спит! Наблюдая за врагом, в окопах замер весь батальон. И ни звука! Ни щелчка затвора, ни мата шёпотом – полная тишина. Прижав приклад пулемёта к плечу, Алексей аккуратно навёл оружие на врага. Рядом, с Лёхиным автоматом в руках, обиженно сопел Димка. Оно и понятно: воевать с пулемётом понадёжней будет. Между тем метров за сто от окопов велосипедисты, насторожившись, остановились и, прикрывая ладонями глаза от восходящего утреннего солнца, принялись разглядывать позиции батальона да дымы от догоравшей у села техники.

– Огонь! – казалось, подавая команду, комбат не крикнул, шепнул только.

Стреляли все. Бойцы, почти поголовно вооружённые новыми, самозарядными винтовками и автоматами, патронов не жалели. Опустошали обоймы из табельных пистолетов их командиры. Захлёбывались огнём пулемёты, включая установленные далеко на флангах станковые «Максимы». Димка Красовитов, рядом, перегрев ствол, одной длинной очередью опустошил диск Лёшкиного автомата. Короткими очередями зло сёк врага старший сержант Цепеленко, через две ячейки от Лёхи. Не стрелял только сам Алексей: осечка, взвёл курок ещё раз – перекося. Откинул пулемёт в сторону, вырвал свой автомат у Димки, навёл уже на лежащих, щёлк – тишина! Нет выстрела! И вокруг тишина – не стреляет никто! Кубарем через бруствер, к валявшимся в облаке дорожной пыли телам, с разряженным автоматом, бегом – может,

выжил кто, так я прикладом, руками задавлю! Первым подбежал – уцелевших нет... Не то что люди – насосы велосипедные пулями изувечены. Винтовки в щепу, трупы бесформенны, запылены, недвижимы, позы неестественны. И лишь притороченные к велосипедным багажникам распушенные катушки, словно кальмары щупальцами, шевелили перебитыми пулями проводами. Опустив бесполезный автомат, Леха остановился, разглядывая мёртвых. Тяжёлое сопение сзади – на развороте удар в ухо! Комбат!

– Кто давал команду покинуть позиции? – Ещё удар, уже кому-то другому, подбегающему.

Куда девался боевой дух?! Зайцем обратно в окопы, да не к себе, чтобы майор не определил кто. Лица вроде не видел, и то ладно. Через позиции первой роты перебежками к себе. А «дома» бледный взводный и ехидная ухмылка Цепеленко.

– Тебя, Лёх, чего-то ротный искал!

Молча отряхнулся, собираясь, поправил форму.

Цепеленко снова:

– Та не ходи, он всё, что хотел, младшему лейтенанту Верову высказал, – мотнул головой в сторону взводного по-мрачневший друг. – И мне...

Трупы оттащили в тянущийся вдоль дороги старый овраг, где и присыпали вместе с велосипедами. В этот раз похоронная команда была из другой роты. Бойцы потом хвастались трофеями – иностранными сигаретами и часами. После жутко обидного для Алексея устного порицания от старших

товарищей разбирались с красноармейцем Красовитовым и его пулемётом. Дима к войне подготовился серьёзно и напихал в пулемётный диск на пару патронов больше, чем положено по инструкции; подающая пружина лопнула, оттого и перекос случился. Просмотрели остальные диски – все забиты под завязку! Пока привели в порядок оружие, подоспел завтрак. Происшествие с немецкими велосипедистами аппетита никому не испортило, и загремели на всю округу о котелки ложки, демаскируя батальонные позиции. За поглощением каши, сваренной на богатом мясом конском бульоне, весело обсуждали, что хотя авиация у фашистов и неплохая – пехота просто смех педальный! А танки – это, наверное, трёхколёсные велосипеды с пушкой!

Командиры провели разъяснительную работу среди личного состава на тему «выскакивания из окопов без приказа начальства», объяснили диспозицию. А диспозиция у батальона была простая: три основные, штатные роты перекрывают подъезд к селу по фронту, ещё одна – четвёртая, сборная – под командой политрука прикрывает батальон с тыла. Обойти их немецкая техника не сможет: округа сильно заболочена. На полтора километра вперёд – дорога как на ладони, попробуй подойди. К пушкам боеприпасов насобирали – вагон и маленькую тележку, правда, в основном осколочные, ну да ничего, сержант-артиллерист сказал, что у немца танки хлипкие, им и осколочного снаряда хватит. Так что пусть только сунутся – сокрушим гадов!

Часам к одиннадцати, когда солнце начало уверенно клонить бойцов в сон, на дороге, далеко впереди, выросло облако пыли. Тревога! Клацнули оружейные затворы. Сотни глаз напряжённо уставились в одну точку. Вскоре увидели колонну тяжёлых КВ. О чём-то переговорив с комбатом, командир танкистов дал отмашку, и многотонные машины, натужно ревя моторами, медленно двинулись на восток. Земля задрожала. Песчаные стенки окопов, осыпаясь, потекли под ноги бойцов.

– Приказ получили, на Броды наступать будут! – радостно поделился с друзьями и командиром взвода подслушанным разговором Димка Красовитов.

– На Броды не наступают, на Броды отступают, они же на востоке остались! Мда, – протянул взводный. – Похоже, обошёл-таки нас немец...

Комбат проводил совещание с политруком и командирами рот. В первый раз за всё время не «по-уставному», а просто ушли мужики в поле, уселись на траву и неспешно вели беседу. Личный состав, замерев, следил за губами, за мимикой командиров. Серьёзность ситуации понимали все. Приказа об отступлении никто не давал, но если немец уже на семьдесят километров восточнее пробрался, стоит ли охранять эту дорогу? Может, и не нужна она противнику? Так и просидим всю войну, никому не нужными. Хотя в свете последних событий – не то, чтобы Лёха боялся, но воевать, совершать подвиги тянуло не так сильно, как пару дней назад.

Признаться честно – не тянуло совсем! Да и окопы обустроенные покидать не хотелось, в них как-то спокойнее, что ли?

Совещание закончилось. Решено: пока оставаться на занимаемых позициях. Для уточнения обстановки и получения дополнительных распоряжений командования снарядили оставшуюся полуторку и один из «трофейных» ЗИСов. Машины быстро избавили от батальонного имущества, посадили по лейтенанту, стрелковому отделению и отправили, как задумчиво выразился Димка Красовитов:

– Кого налево, кого направо...

Отобедав, Лешка с Цепеленко выпросили у ротного разрешение сгонять в сгоревший хутор:

– Пошарить чего нужного. Не зря же там старшинские повара с водителями целыми днями роются.

И ведь нашли. Посреди обгоревшего сада на противоположной окраине, во дворе когда-то большого, наполовину разрушенного дома, лежал на боку сожжённый грузовик трёхтонок. Груз его взрывом бомбы разбросало среди деревьев, и оттого сгорело не всё, а довольно много зелёного цвета армейских ящиков сохранилось. Вскрыв один из них, Лёха обомлел: гранатомётные мортиры Дьяконова и к ним гранаты! Надо сказать, что свои мортиры батальонные гранатомётчики сдали в обоз ещё при переправе. А тут новенькие, да много, и гранат к ним с избытком. Вызвали носильщиков, притащили в расположение. Получилось тридцать четыре гранатомёта и к ним около шестисот гранат. Пошли ещё.

Нашли миномётные мины, но не нашли миномётов. Тюки с новой формой, но их самих недавно приодели, с иголки. Несколько посечённых осколками передвижных солдатских кухонь. Рядом, переломленная посередине, полуторка с удовольствием. Лениво подошли к машине и тут же с отворачиванием отпрянули: из кабины с выбитыми стёклами в небо взвилось огромное облако жирных мух. Шибанул по ноздрям мерзкий трупный запах. У колодца с журавлём попили, наполнили свежей водой фляжки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.